

*Посвящается
Элизабет Пейс Барнс,
моему неиссякаемому источнику любви
и жизненной мудрости*

ГЛАВА 1

Посреди ночи переговариваются двое. Между ними — ровно одна тысяча сорок миль. У каждого полголова подсвечено мобильником. Две призрачные половинки лиц общаются во тьме.

— Я могу попасть в дом, где, ты говоришь, это лежит. Выкладывай остальное.

Ответ едва слышен сквозь потрескивание помех.

— Ты пока заплатил всего четверть от обещанного. *Пф-пф*. Отправляй остальные деньги. Давай отправляй. *Пф-пф*.

— Хесус, если теперь я найду то, что мне надо, без твоей помощи, ты вообще больше ни хрена от меня не получишь.

— Вот тут-то ты прав! Просто не представляешь, как прав. *Пф-пф*. То, что тебе надо, лежит на пятнадцати кило «Семтекса»... если ты найдешь это без моей помощи, то просто на Луну улетишь. И тебя там по ней размажет.

— У меня длинные руки, Хесус¹.

— С Луны не дотянешься, Ганс-Педро.

— Меня зовут Ганс-*Петер*, как тебе известно.

— Меня не интересуют твои паспортные данные. Руки, говоришь, длинные? Тогда до своей кубышки точно дотянешься. Хватит уже время тянуть. Отправляй бабло.

Соединение обрывается. Оба лежат, уставившись во тьму.

Ганс-Петер Шнайдер — на койке своего длинного черного катера неподалеку от Ки-Ларго. Он прислушивается к женским всхлипам из треугольной носовой каюты. Передразнивает их. Он вообще в этом деле мастер. С его губ срывается голос собственной матери, зовущий девушку по имени.

— Карла? Карла? Почему ты плачешь, детка? Это всего лишь сон!

---

¹ Хесус — испанский вариант имени Иисус. — *Здесь и далее прим. пер.*

На миг, отчаявшаяся от страха и темноты, она обманута, но тут же раздражается еще более горькими слезами.

Женский плач — лучшая музыка для Ганса-Петера; послушав его, он успокаивается и опять засыпает.

* * *

В Барранкилье, Колумбия, Хесуса Вильярреала немного успокаивает только тихое шипение респиратора. Он вдыхает кислород из маски. В темноте ему слышно, как пациент из общей палаты за стенкой взывает к Богу, кричит: «Господи Иисусе!»

Хесус Вильярреал шепчет во тьму:

— Хотелось бы мне, чтобы Бог слышал тебя сейчас не хуже, чем я. Но лично я в этом сильно сомневаюсь.

Вызывает справочную со своего одноразового мобильного, получает номер школы танцев в Барранкилье. Стягивает кислородную маску вбок, чтобы поговорить.

— Нет, уроки танцев меня не интересуют, — произносит он в трубку. — Мне сейчас вообще как-то не до танцев... Я хочу поговорить с доном Эрнесто. Да ладно, прекрасно вы его знаете! Просто передайте ему, как меня зовут, он поймет. *Пф-пф.*

ГЛАВА 2

Под журчание воды вдоль длинного черного корпуса катер Ганса-Петера Шнайдера медленно скользил мимо огромного домины на берегу залива Бискейн¹.

Ганс-Петер не сводил бинокля с девушки, которая, в пижамных штанах и майке, потягивалась на террасе в раннем утреннем свете. Звали девушку Кари Мора, возраст — двадцать пять лет.

— Моя богиня! — проговорил он, оскалась и обнажая по-собачьи длинные зубы с серебряным покрытием.

Ганс-Петер высок, бледен и совершенно лишен волос. Даже ресниц — и тех нет, поэтому веки оставляли на линзах бинокля жирные следы. Он протер окуляры льняным платком.

Рядом с ним переминался агент по недвижимости, Феликс.

— Да, это она. Кто за домом присматривает, — сказал тот. — Знает его до последнего закоулка, лучше любого другого, так что вполне можно ее исполь-

---

¹ Это, по сути, скорее довольно узкая (не более 15 км) прибрежная лагуна, в северной своей части разделяющая длинную косу, на которой расположен Майами-Бич, и собственно город Майами. А вот упоминающийся далее Северный Майами-Бич, несмотря на название, находится еще глубже на материке, к западу от города.

зовать. Вызнай у нее все, что надо, и я по-быстрому ее оттуда солью. Пока она не увидела то, что ей видеть не полагается. Чтобы зря время не тратить.

— Время, — проговорил Ганс-Петер. — Время. Сколько еще действует текущий договор аренды?

— Еще две недели. Он на одного мужика, который снимает рекламные ролики.

— Феликс, мне нужны ключи от этого дома. — Ганс-Петер говорит по-английски с ощутимым немецким акцентом. — Причем прямо сегодня.

— Ну да: ты влезешь туда, что-нибудь произойдет, и все сразу поймут, что это я тебе ключи дал! И все шишки на меня! — Феликс расхохотался, но собеседник его не поддержал. — Слушай, я сегодня же схожу к арендатору, попрошу его закруглиться. Лучше тебе прийти туда днем, с людьми, спокойно все обсмотришь. Сам знаешь, что это за домик. Просто жуть берет. Я уже четырех сторожей поменял, пока эту телку не нашел. Остальным, видите ли, страшно.

— Хорошо, Феликс, дуй к съемщику. Предложи ему денег. В пределах десяти тысяч. Но ключи давай прямо сейчас, иначе в пять секунд окажешься за бортом.

— Если ты с этой сучкой что-нибудь сделаешь, она тебе не помощник, — сказал Феликс. — Ночью она всегда там. Страховая требует — по пожарной безопасности. Днем иногда в других местах подра-

батывает. Подожди немного, лучше в дневное время заглянешь, когда ее не будет.

— Я просто хочу осмотреться. Она и не просечет, что я в доме.

Ганс-Петер еще раз изучил Кари сквозь стекла бинокля. Она как раз приподнялась на цыпочки, чтобы наполнить птичью кормушку. Да уж, такими телками тоже разбрасываться не стоит... Очень интересные шрамы — знающие люди хороших денег дадут. Пожалуй, всю сотню тысяч можно заработать. Это будет, так-так... тридцать пять миллионов четыреста тридцать три тысячи сто восемьдесят четыре мавританские угии. Есть в Нуакшоте один клубешник — «Грот Акрота», они как раз на всяких уродствах специализируются... И это только когда все руки-ноги на месте и без татуировок. Если не гнать и доработать ее под требования клиента — какого-нибудь любителя ампутантов, — то, пожалуй, и побольше выйдет. Тысяч сто пятьдесят. Впрочем, кошкины слезки. В этом доме золота на двадцать пять — тридцать миллионов долларов припрятано.

Укрывшаяся на деревце плюмерии по соседству с террасой птичка запела песенку, которую выучила в Колумбии и принесла с собой на север в Майами-Бич.

Кари Мора сразу узнала характерный голосок странствующего дрозда, обитающего в двух тысячах миль отсюда. Пела птичка хрипловато, но с

большим энтузиазмом. Улыбнувшись, Кари прервала свое занятие, чтобы еще раз послушать хорошо знакомую с детства песенку. Присвистнула птичке. Та свистнула в ответ. Кари пошла обратно к дому.

На катере тем временем Ганс-Петер протягивал руку за ключами. Феликс положил их ему на ладонь, стараясь не касаться ее пальцами.

— Двери на сигнализации, — предупредил он. — Но на двери солярия сигналка вырубилась, ждем запчасти. Это та дверь, которая с южной стороны дома. У тебя есть отмычки? Ради всего святого, поцарапай как следует вокруг скважины перед тем, как открывать ключом, и подбрось отмычку на крыльцо — на случай если что-то вдруг все-таки пойдет наперекосяк.

— Только ради тебя, Феликс.

— Не слишком-то удачная мысль, — вздохнул тот. — Если чего-нибудь с ней сделаешь — так ничего и не узнаешь.

* * *

Подойдя к своей машине, оставленной на парковке яхтенной гавани, Феликс вытащил из-под коврика в багажнике одноразовый мобильник, припрятанный рядом с домкратом и инструментами. Набрал номер школы танцев в Барранкилье, Колумбия.

— Нет, сеньор, — прошептал он в трубку, хотя вокруг не было ни души. — Я протабанил его с арендным договором, сколько смог. У него для таких вещей собственный адвокат, и он меня в итоге раскусит. И дом получит. Вот и всё. Нет, он знает не больше нашего... Да, у меня уже есть депозит. Спасибо, сеньор, я вас не подведу.

ГЛАВА 3

В дневное время Кари действительно не сидела без дела. И больше всего ей нравилось работать на Станции морских птиц, расположенной на Пеликан-харбор, где ветврачи при помощи волонтеров ухаживали за попавшими в беду птицами и морскими животными. Там на Кари лежала обязанность поддерживать порядок в помещении медпункта и в конце рабочего дня стерилизовать инструменты. Кроме того, иногда на пару с двоюродной сестрой доводилось готовить и подавать закуски на борту большого экскурсионного катера, принадлежащего станции.

Кари всегда приходила пораньше, чтобы можно было самой поработать с животными и птицами. На станции ей выдали полную униформу медсестры, и она с удовольствием ее надевала — еще один повод почувствовать себя настоящим медиком.

Ветеринары давно поняли, что на Кари можно целиком и полностью положиться — с птицами она обращалась ловко, осторожно и бережно. Вот и сегодня, под наблюдением доктора Бланко, Кари зашивала кожистый мешок под клювом белого пеликана, порванный рыболовным крючком. Работа эта тонкая и кропотливая — шить требовалось аккуратно, слой за слоем, пока птица дремала под газовой анестезией.

Увлеченно работая иглой, Кари чувствовала полное умиротворение. Не то что в детстве, когда прямо на поле боя приходилось наспех делать крупные «матрасные» стежки, накладывать импровизированные жгуты или затыкать сквозные раны грудной клетки первой попавшейся тряпкой, а то и просто рукой, разрывая зубами индивидуальный перевязочный пакет.

В конце дня все еще сонного пеликана отправили в вольер для выздоравливающих, а доктор Бланко и все остальные разошлись по домам.

Кари вытащила из морозильника «органическую» крысу (никакой химии, поставляющий корм питомник это гарантировал) — пусть оттает, — освежила воду в поилках вольеров и клеток и принялась надраивать операционную.

Когда там воцарился образцовый порядок, а все инструменты были простерилизованы, она открыла

бутылку тамариндовой колы и, прихватив размороженную крысу, направилась к затянутым стальной сеткой вольерам.

В одном из них, высоко на жердочке в дальнем углу, восседала большая ушастая сова. Кари просунула крысиную тушку сквозь крупную ячею сетки в узенький ящичек кормушки, прикрыла глаза и постаралась услышать приближение совы, прежде чем щеки опухнет воздух от ее огромных крыльев. Большая птица никогда не садилась — сразу хватала угощение одной из когтистых лап и моментально взмывала обратно на жердочку, где, пугающе разинув клюв, поглощала крысу одним неуловимым глотком.

Большая ушастая сова относилась к постоянным обитателям станции. Выпускать на свободу ее было нельзя, поскольку некогда в результате столкновения с линией электропередачи она осталась без глаза и охотиться уже не могла, хотя летала по-прежнему уверенно. Эту сову прекрасно знали во всех местных школах, где она регулярно красовалась на уроках биологии, прикрыв свой огромный глаз и невозмутимо подремывая под любопытными взглядами сотен школьников.

Кари уселась на перевернутое ведро, прислонившись спиной к сетке, под неусыпным взором олуши в вольере напротив. Той тоже не так давно довелось

оказаться в роли ее пациента, и работа оказалась не проще, чем с пеликаном, — плавательная перепонка на одной из лап птицы была чем-то разрезана, и Кари осторожно зашила ее мелким стежком, как ей показали ветеринары.

В яхтенной гавани по соседству намечалось оживление — в иллюминаторах зажигались огни, на палубах стали появляться теплые парочки, с камбузов потянуло съестным.

Каридад Мора, дитя войны, всегда мечтала стать ветеринаром. В Соединенных Штатах она жила уже девять лет, на основании все того же зыбкого статуса «временной защиты», и при нынешнем довольно кислом отношении к мигрантам этот статус мог быть снят абсолютно в любой момент по первому же капризу какого-нибудь государственного чиновника.

Пока против «понаехавших» еще окончательно не ополчились, Кари успела получить здесь некий эквивалент аттестата о среднем образовании, к которому потихоньку подсунула лицензию санитарки, полученную на родине после краткосрочных, всего шестинедельных курсов. Богатый жизненный опыт, конечно, тоже не стоило сбрасывать со счетов. Но чтобы учиться дальше, требовались бумаги получше. «Мигра» — иммиграционно-таможенная полиция — следила за такими вещами крайне бдительно.